Городские легенды (мистика Екатеринбурга)

Александр Хуснуллин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Край у нас, прямо скажем, страшноватенький… каторжный. Сколько здесь народу за триста с лишним лет повыморили – жуть! И то верно, пока из земли руду выковыряешь, пока её привезёшь, обогатишь и выплавишь искомое… а потом ещё и прокуёшь не на раз, да обработаешь… просто костями всё устлано, ей-богу! Ну, и народ соответствующий. Антон Павлович Чехов заметил, что 'в

Екатеринбурге на каждом шагу встречаются лица, глядя на которые думаешь, что при рождении этого человека присутствовал не акушер, а механик'. Однако, слышь, живём!..

- Александр Хуснуллин
  -
  - ПОСТСКРИПТУМ К "ГОРОДСКИМ ЛЕГЕНДАМ"

Александр Хуснуллин

Городские легенды (мистика Екатеринбурга)

В самом начале 90-х весёлое было время. Братаны делили полуторамиллионный город, как хотели – вдоль, поперёк, через задницу, сверху донизу, в Бога, в душу и чёртову мать. Бывало, захлопают выстрелы посередине ночи – народ на балконы и лоджии выскакивает посмотреть бесплатное представление.

Да что там говорить – по Белому Дому из гранатомёта запузырили.

Аккурат на уровне этажа десятого выбоина была. Слава Богу, в окно не попали.

В общем, развлекались, как хотели. Автор этих строк лично наблюдал, как полупьяненький, – полон рот золотых зубов; сам весь в наколках, – коммерческий директор конторы, занимающейся продажей лифчиков, трусиков, кофточек и футболочек, – "на стрелку" собирался: автомат АКМС под пиджачок, "Макарова" в штаны за спину. Парочка молодых с автоматами с ним в машину – прыг – поехали в ресторан киноконцертного комплекса "Космос", перетереть вопросик по поводу эксклюзивности продаж. Директриса, кстати, из комсы была – бывший инструктор обкома комсомола… в этом же здании и контору свою держала.

Вот, как-то летним вечерком и не сговорились меж собой две солидных фирмы – до разборок дошло. Ну, как водится, сошлись в кафушке. Слово за слово – пальба началась.

Мочилово, как говорится… а слово это только для рафинированных эстетов смешным кажется.

Полетели кровавые брызги в разные стороны, захрипели и завизжали раненные; заохал бледный бармен, получив пулю в живот; заикал предсмертной икотой, руки к груди скрючил и быстро-быстро засучил по грязному полу ногами упавший боец, получивший пулю в голову… в общем, всё, как водится в таких случаях… увы – ничего нового.

А бандиты – они же только в кино такие импозантные…

Случился в рядах одной из сторон молодой придурок. Каким уж образом, не знаю, но был у него автомат Калашникова с подствольником. Рад был, дурачок, как свинья в луже – только что не хрюкал. Раза два за городом пальнул и – проникся. Всё

мечтал в деле себя показать…

Вот случай и представился. Шарахнул дурак по врагу – да снарядик сквозь разбитое окно кафушки на улицу высвистел. А там, пригнувшись, мужик молодой пробирался – домой торопился. Смена у него закончилась, вот и спешил к троллейбусной остановке кратчайшим путём.

И снесло бедняге полголовы. Нос, мочки ушей и челюсти остались, а всё остальное по асфальту разбрызгало.

Как братаны по машинам разбежались и уехали – прикатили менты… из окрестных домов им все телефоны оборвали.

Сердобольная чья-то душа ментов за рукава хватает, в глаза заглядывает – посмотрите, мол, там мужчину ранило… скорую-то мы уже вызвали, а они на перестрелку не очень-то и торопятся… может, хоть вы чем поможете?

Пошли…

Господи, спаси нас и помилуй, дёргается тело, а вместо головы – кошмар какой-то!

А тут и скорая боязливо подкатила… водитель наотрез отказался прямо к кафе подъезжать. Вот и пробираются, прячась за кустами акации, молоденький парнишка-фельдшер и медсестрёнка – бедолага незамужняя. Парнишка только-только из армии, с горячей точки – знает цену пуле. Два курса фельдшерского училища – несчастная любовь – пьянки – прогулы – армия… О! да ты у нас почти врач! валяй на таджикскую границу, а то там от дизентерии и дистрофии до сложных проникающих ранений в брюшную полость… а ни врача, ни медбрата, ни фельдшера на три погранзаставы уже с полгода не имеется!.. кругом марш!

И повезли дёргающееся тело в ближайший травмпункт. Там молоденький врач очумевший вконец. Мало того, что две смены уже отпахал, так он ещё и в ветеринарной клинике подрабатывает, – ездит по вызовам клиентов, – кошек, собак и прочую домашнюю живность лечит и оперирует. Вот и выходит – "Бери от жизни всё!"… но только не сон.

А в приёмной тьма народа сидит. Накопились за субботу вывихи, порезы, синяки, переломы и трещины, резанные бритвой синюшные наркоманские руки… и всяк ноет и ругается, мол, суки поганые – и страну развалили, и элементарной медпомощи от вас не дождёшься!

И ввозят на залитой кровью каталке фельдшер и заблёванная медсестра жуткое тело: ноги дрожат, руки рубашку на груди перебирают… до груди полы рубахи собрал, только голый живот ходуном ходит… и с каждым выдохом брызги крови летят…

Так и смыло из приёмной травмпункта всех болящих и

страждущих!

Как струёй вынесло, только слышно, как на ступеньках натужно выташнивают свои ужины.

Врач высовывается – какого хрена ко мне привезли?! Ох, мама родная… да куда же мне его?

Так ведь… это… он же жив ещё…

Какого хрена – жив?! С ума посходили! Вон, задвиньте каталку в угол и ширмочку прихватите – загородите от глаз людских. Сердце у мужика идеальное было… отходит он долго, вот и всё! А лучше всего

– увозите его сразу в морг, мне меньше хлопот будет.

Ну, уж нет! Пока сердце не остановится… Хотя… И вообще – мы скорая помощь, а не труповозка! Это ты ментам звони!

Пока суть, да дело – отошёл несчастный. Упокой, Господи, душу его безвинно убиенного…

Словом, уехали эскулапы от этого кошмара подальше. Но ментам позвонили – мол, не волнуйтесь, тело в травмпункте. Документы вами же изъяты, сообщите родственникам – умер.

Через час звонит врач травмпункта тем же ментам и, заикаясь, объясняет, что тело исчезло. Мол, переложили на кушетку в ванной и старой дырявой простынёй прикрыли. Пока то, да сё… хвать, а трупа и нет! И двери в ванную закрыты, чтобы кто-нибудь из ночных травмированных нос не сунул. И ключ оставался в халате у врача.

Никак, доктор спиртику лишку на грудь принял, решили служители 02 и аккуратно записали происшествие в журнал. Доктор ещё два раза звонил… ну, его вежливо на утреннее посещение участкового спровадили. Дышите, доктор, глубже, а утром к вам Пётр Васильевич заглянет… там ему всё и расскажете. А пока – заприте окна и двери и – хе-хе-хе! – не принимайте наркотических веществ и содержащих алкоголь препаратов.

Рано радовались… к утру на те же 02 звонит молодой человек с противоположного конца города и бормочет, что, мол, хочет сознаться в убийстве… посредством выстрела из гранатомёта. Что? Да вот вам и труп, у дверей лежит! И, блядь, приезжайте скорее!

И не один звонок, а штук десять… и все из одного подъезда.

Труп. Труп!!! Без головы практически!!! Приезжайте, ради Бога, а то мы тут все в панике!

Вот он, пропавший – это почти сразу выяснили. Поперёк дверей лежит.

И дурачок в углу рядом забился – глаза пустые… в мокрых штанах на корточках сидит… как позвонил, так и впал в полный

ступор… кататонию… или как там это у эскулапов называется…

Сложив два и два, менты в ужас пришли. Налицо похищение трупа и перевозка его к убийце. Кто? Зачем?!!

А хуже всего, что по документам на жену невинно убиенного вышли.

А та заявляет, что, мол, господа, ошибочка у вас вышла. Приехал муж домой. Позднее, правда, чем обычно, но был весел до возбуждения. И жену полюбил, и по квартире метался – собирал вещи. Сказал, что уезжает надолго, но зато за очень хорошие деньги. И – срочно!

Командировка.

Но теперь – особенно подчеркнул – ТЕПЕРЬ – всё будет хорошо и он за неё и детей спокоен.

И двух детей поцеловал прямо в кроватках, и её любил крепко… а потом она, счастливая, заснула – чудо какое-то… даже до дверей не проводила…

Ой, постойте… да вот же – сумка собранная стоит!.. и денег не убыло…

И вообще, всё, как во сне было… вот и дети говорят, что папа их ночью разбудил…

Ну, с детей – какой спрос! Мало ли что дети напридумывают спросонок… но – сумка, жена?.. Уж не хитроумная ли комбинация?

Аг-га-а-а!!!

А фигушки.

Как на грех соседке не спалось. Видела она, как счастливый сосед ключом дверь часа в три ночи открывал… ещё подмигнул ей и сказал, что, мол, жизнь налаживается… и кто-то из соседнего подъезда его видел в это же время… и тоже удивился – насколько весел мужик.

Словом, ходил наш мертвец и тут, и там… а утром оказался у дверей спрятавшегося после боя дурачка… убийцы своего… и напугал его до полной потери дееспособности. Грех сказать, дурак под себя валит… и сожительница его настаивает, что её дело маленькое – только меня ни во что не впутывайте. Надо вам, ментам, вы и крутите это дело.

Жена, бедняжка, конечно на опознание тела мужа ходила. Вместе с мамой, тёщей покойного. Та тётка твёрдая – кремень, а не тётка!

Бывшая операционная медсестра. Она, собственно, и опознала труп – жену валерьянкой отпаивали…

И на следующий день после похорон заявляется к зарёванным женщинам двоюродный брат жены. Помните, как немцы из Союза ломанулись на историческую родину по призыву Дойчланд? Вот

Володя К. и уехал, поскольку к 1986-му году был женат на поволжской немочке, чьи родители оказались после всех сталинско-исторических передряг в

Узбекистане. Там он со своей будущей жёнушкой и познакомился в своё время, а когда пришла пора – уехал вместе с ней и сыном в ФРГ.

Из Германии позже перебрался в Австрию, да там и осел. Неплохо жить начал – непьющий и руки золотые… но с сестрой не переписывался. Помнит её совсем ещё малюткой, когда с родителями в

Свердловск приезжал.

Как? Почему приехал?

Как, почему приехал? Вот, телеграмма пришла… да где же она?.. сейчас… ох, потерял… да чёрт с ней, с телеграммой, главное – сестрёнку поддержать!

Ладно – жена, горем убитая… она могла всё что угодно отправить… и адрес вспомнить… и тотчас забыть всё напрочь… но, ведь, не ходила никуда! Мать её тоже не отлучалась…

Подруги матери, конечно же, всё объяснили… мол, это душа мужа её дочери приходила… гадалку пытались позвать… и прочих экстрасенсорных уникумов, включая сомнительного монаха, шляющегося, обычно, в районе автовокзала и собирающего "чего Бог послал" на выпивку… но в хлопотах вызова в Австрию как-то это всё мимо прошло.

Квартирку быстро продали… Господь помог, не иначе! Люди попались совестливые – не выдрали из вдовы жилплощадь за копейки – по совести заплатили. Дай Бог им здоровья и долгих счастливых лет жизни – не нажились на сиротках!

И уехали мать, дочь и двое сироток.

А в Австрии знакомится несчастная вдова с хорошим австрийским мужчиной… и через три года совместного проживания замуж за него выходит. Своих-то детей у него не было… жена рано умерла. И сразу после скромной свадьбы просыпается он в слезах… мол, Луиза моя с твоим покойным мужем нас навестили… благословили на брак… вот только что, ещё дрожь бьёт!

У неё сердце оборвалось. Господи, мало мне мистики было!..

Да только прав был австриец – всё нормально у них. Уже который год.

Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!

И теперь, вздыхая и крестясь, говорят её бывшие соседки: "Дай Бог

Наташеньке и дальше везения! Недаром муж её, Димочка, тогда ночью говорил – жизнь теперь у неё долгая и счастливая

настанет…

А какой мужчина был надёжный и любящий – нет теперь таких, да!"

Да и она его любила.

С десятого класса…

***

Как только речь заходит о легендах Екатеринбурга, так горохом сыплются рассказы о покойниках. И то сказать, если бы не загробные байки, нешто это мистика была бы, а?

Итак, помирает в семидесятых годах один партийный старичок. Всё, как водится – родня уже шушукается, как похороны организовать; сын с дочкой сцепились из-за сада и машины – новенькие жигули первой модели – таких на весь город едва ли полтора десятка бегает! – словом, жизнь кипит, пенится, а старичок врастяжку, не торопясь,

Богу душу отдаёт.

А происходит всё это не где-нибудь, а на улице Шейнкмана, дом 19.

Эх, и знаменитейший же был дом! Впрочем, он и сейчас стоит в центре

Екатеринбурга, только знать надо – как к нему пройти. Ничего страшного, не подумайте чего. Он и строился-то в самом начале тридцатых с таким расчётом, чтобы и в центре быть… и как бы особняком, ибо строили его, как уголок грядущего социализма для работников НКВД.

Интересная, надо сказать, постройка. Сам дом П-образной формы, во дворе автономная котельная построена… с трубой кирпичной. И по сию пору торчит эта труба прямо во дворе дома, вызывая какие-то неприятные ассоциации у жильцов. Котельную потихоньку ликвидировали в те годы, как на центральное отопление перешли, теперь от неё и помину не осталось, а труба – вот она, любуйтесь. Выше дома торчит.

Вздымается прямо из земли, – а в трёх метрах от неё банальные песочницы, тополя и качели.

Мечта всех окрестных мальчишек – на трубу залезть. Ан – шиш!

Скобы ещё в шестидесятых срезали. Котельную-то разобрали легко… а вот трубу так и оставили. Не подступишься к ней. Взрывать только – очень уж кирпич качественный. А пойди,

взорви её аккуратно – торчит, зараза, прямо по центру двора!

Глухие слухи ходили, что котельная была не простая. Мол, привозили сюда в конце тридцатых трупы VIP-расстрелянных. Везти недалеко. Вон оно, гнездо НКВД, – Ленина, 25, – в квартале отсюда.

Пять минут быстрой деловой ходьбы дворами, – только сапожки хромовые

– скрип-скрип!.. да кобура приятно по боку хлопает.

И дом-то этот чекисты для себя строили, известных архитекторов приглашали.

Словом, работают обладатели холодной головы, горячего сердца и чистых рук, вкалывают, очищая мир от чуждого элемента… и, возвращаясь домой, любуются из окон квартиры на финал-апофеоз своей деятельности. Дым из трубы густыми комьями валит – значит хорошо поработали… да и батареи, – глянь-ка! – тёплые. Кругом польза…

"А жизнь, товарищи, была совсем хорошая!" (с)

И хрена ли ей не быть хорошей, поскольку в любую квартиру, – как у буржуев каких! – есть два входа – парадный и чёрный. Чёрный – это уже для прислуги. Из любой квартиры, прямо в тапочках, на лифте прёшь на второй этаж и мирно направляешься позавтракать/поужинать либо в кафе, либо в ресторан, расположенные там же, в доме. А после обеда приятно посидеть в гигантском холле – перекинуться с друзьями словечком перед сном, покурить, в окна полюбоваться, в бильярд поиграть, оркестр послушать.

Ежели в цокольный этаж спуститься – прачечные, парикмахерские, спортзал, библиотека и прочие блага для героев страны, включая клуб с красным уголком и женсовет. Ну, не должна женщина при социализме убивать себя домашней работой! Поэтому, кстати, кухоньки в этих просторных квартирах ма-а-а-аленькие! Чёрт бы их побрал, – жалуются современные жильцы, – квартирища – будьте любезны, а кухня меньше, чем в хрущёвке… в сортире и то просторнее!

Ну, естественно, чугунная ограда, домик при воротах для постоянной охраны и т.д.

Проектировали этот дом при одном чекистском руководстве, да и строили при нём же… а потом пошла полная чехарда. Одни чекисты других по ночам арестовывают, пытают до седьмого пота, пристреливают под патефон в подвале и ночью везут обратно. В родную котельную. И поднимается такой работник органов над родным домом в виде маслянистого дыма… а в окошко ему и помахать на прощание некому – в его квартире уже другое чекистское семейство живёт: славит благоустроенную жизнь и

товарища Сталина, форсит перед друзьями-знакомыми, – мол, в гости к нам и по пропускам-то не всякого родственника пускают!..

…а потом так же высвистывают через трубу в холодное ночное небо… и в квартире снова топают детские ножки, а возбуждённая хозяйка вешает на окна любимые занавески и покрикивает на сантехника, меняющего в смесителе душа прохудившуюся прокладку…

…и снова – ночной стук в дверь – Ленина, 25 – допрос – подвал – пуля – труба.

Совсем уж глухо шепоток ходил, что кое-кто и… живым в топку… мол, в назидание…но об этом лучше – тс-с-с!

Вернёмся в семидесятые, к помирающему партийному старичку.

Батюшки-светы! Да пока мы с вами тут трали-вали, он уже отошёл!

Уже и медсестра-сиделка собрала свой чемоданчик и уехала отсыпаться на машине "Скорой помощи". О, Господи, воля твоя… перекрестимся, да и выйдем на цыпочках… невидимые тем, кто подвязывает покойнику челюсть и связывает руки на груди. Вскрытия не будет – родня особо просила. Да и что там вскрывать? Уж года три только и ждали, что вот-вот…

Так что, скоро приедет машина и отвезёт старичка туда, где будут готовы гроб и венки с едва-едва просохшими "Вечная память", "От коллектива 18-го управления КГБ СССР дорогому усопшему…" и прочими разными "От…". Обмоют, в костюм уже приготовленный родственниками обрядят, ну, а потом – зал, прощание, речи, машина… и поехали на кладбище.

А пока старичок тихо лежит на своей кровати, поскольку вышла какая-то хреновина, – машина не приехала и по телефону просили часок-другой-третий обождать. Мол, мы Ивaниваныча заберём, но чуток попозже, хорошо? Не в обычный же морг его везти… где простые смертные, – пардон, – простые покойники лежат?! Так что, извиняйте сердечно и ждите – приедем.

Покойник, он, конечно, есть-пить не просит… хлопот не доставляет… а марксизм-ленинизм учит нас, что в нём (покойнике) ничего страшного нет… однако, между нами, товарищи, говоря, ночью как-то жутковато. Дверь в комнату прикрыли, в другой – самой большой комнате, роднёй собрались… ждут. Переругиваются шёпотом. В наследство, так сказать, вступают. Соседи тут же толкутся, любопытствуют, советы дают…

…И вдруг открывается дверь и проходит через комнату целое шествие – прямо в открывшуюся дверь комнаты покойного: люди, люди, люди… и идут… и идут… священники, работяги, военные,

дети, взрослые, мужчины и женщины… вон, Господи, и с грудными на руках!..

Кто светом осиян и смотрит сурово, а кто лицом тёмен… отворачивается…

И всё идут и идут в гробовой тишине… только откуда-то снизу гул… не столько слышен, сколько всем телом ощущается, как вибрация сдержанной, но страшной силы…

А у дверей стоит наш мертвец на коленях… ниц пал. Только больничная рубаха на костлявой спине разъехалась – позвонки торчат, тощая синяя задница видна. Таким, говорят, его и нашли позже.

Так разогнуть и не смогли – в специальном гробу хоронили.

А люди проходят мимо него молча и конца-края им не видно… и не смотрят на него. Ни светлые, ни тёмные…

…

Говорят, что, мол, кто с ума сошёл, кто в монастырь подался, да только не верится мне. Какой такой монастырь в семидесятые?!

Библию-то хрен достанешь…

А дом и по сию пору стоит. Куда он денется…

Я там в 1992 году в подвале – бывшей прачечной – в издательском кооперативе работал.

Жутковато по ночам, врать не стану. Очень уж дом непростой…

***

Ну, положим, о тайных подземельях Екатеринбурга – это не ко мне.

В своё время краеведы об этом многое чего понаписали. Однако, в случае обнаружения их (ходов и подземелий) во время строительства, советские власти много шума не поднимали. Зальют бетоном дыру в земле, пробурят вокруг пару мелких скважин – убедятся, что не осядет возводимое здание – и 'следствие закончено – забудьте'.

Я о другом…

И сразу предупреждаю – источников не выдаю! Впрочем, вряд ли кто в здравом уме и твёрдой памяти поведает вам то, о чём собираюсь рассказать я.

Итак, гости Екатеринбурга, а уж тем более горожане, хорошо знают

Белый Дом, торчащий на берегу реки Исеть. Самое высокое здание столицы Урала. Пока его возводили, смахивал он на зазубренный обломок, торчащий из земли. Так и прозвали резиденцию первого секретаря обкома партии 'Зубом Мудрости'… ну, а когда здание полностью построили, – бодрый, приятный глазу белый небоскрёб, – то стал он двусмысленно называться в народе 'Член правительства'.

Торчит этот 'член' и по сию пору…нам бы, мужикам так!

Однако, всё меньше в городе людей, возводивших это чудо советского градостроения. Да в архивах КГБ пылится пухлая папка с грифом 'Хранить вечно'… и, между прочим, только здесь и хранится.

Ни копий, ни чего другого в Москве нет. Можете и не искать, будь вы хоть самим главой КГБ г-ном Патрушевым.

***

Фундамент здания непрост и в инженерном отношении представляет собой солидное сооружение. Во-первых – река рядом. Мало ли что… ещё начнёт сырость в подвалах разводиться… тем паче, что бомбоубежище под Белым Домом отгрохано – будьте любезны! Так что котлован под здание рыли долго и аккуратно.

Ну, Урал – он и есть Урал. Камня здесь навалом, это вам каждый садовод скажет. При предварительном бурении убедились, что советский небоскрёб не завалится со временем набок, и дали отмашку на строительство.

Естественно, и археологи для проформы поковырялись. Нашли пару монеток 1720 и 1724 года чеканки, полтора килограмма монеток дореформенных, – в смысле – отчеканенных до денежной реформы 1961 года, – но костей, черепков и прочих артефактов не нарыли.

И вот… доковыривает экскаваторщик Мосунов до самого скального основания участок, положенный ему по долгу службы… а из-под ковша

– искры полетели. Да не мелкие, знакомые любому экскаваторщику, а крупные… ядовито-жёлтые…

Первая мысль – бомба! Однако откуда здесь бомбам глубоко в земле сидеть? От жёлтой курицы? Не Москва, не Питер… слава Богу, немцы на своих бомберах досюда не добрались! Короче, слезает Мосунов с сиденья, закуривает и нехотя ковыляет к

ковшу, – всю задницу за смену отсидишь! Радикулит – профессиональная болезнь… не считая хронической простуды и геморроя. А по инструкции положено поглядеть… чтоб их чёрт побрал, этих профсоюзных долбаков – понапишут незнамо чего, а рабочий класс отдуваться должен…

Через пять минут Мосунов не своим голосом прораба зовёт. А может и не прораба. Орёт человек дурным голосом во всё горло… потухшая папироска из угла рта свисает… прилипла. Прораб, естественно, долго не появляется, а работный люд, радуясь незапланированному перекуру, собирается вокруг жестикулирующего Мосунова, бесперечь машущего рукой в сторону своего застывшего экскаватора, а потом, в естественном любопытстве бредёт, оступаясь на вывороченных камнях, к ковшу. Мосунов сзади нерешительно бочком пробирается…

***

Представьте себе металлическое сизое кольцо диаметром метра в полтора, впаянное в гранит. Причём от этого кольца во все стороны, вроде, как корни в граните протискиваются. Если присмотреться, то и гранит, и кольцо единое целое составляют. Каждый корешок выпускает множество боковых корешков и они змеятся, переплетаются… и постепенно сходят до толщины волоска.

А середина кольца крышкой закрыта. Причём сразу видно, что это именно крышка. Лежит себе, подлая, даже зазоры между крышкой и кольцом пылью не запорошены. С какого хрена искры летели, непонятно!

Ни царапинки, ни пылинки на всём металле… и даже на всей гранитной поверхности – в радиусе метра два. Будто не ковшом убрано, а рисовой мягкой метёлочкой, как у археологов.

Фотографии крышки в деле имеются, конечно. Только смотреть не советую. Нет там ничего – идеально отполированный сегмент сферы. Но, вот, что в деле имеется: каждый, – подчёркиваю – каждый! – о своём говорит. Мол, изображено на крышке лицо какое-то.

…кто-то и зубы видел…

А фельдшерица старенькая, как раз по поводу сломанного пальца у одного из разнорабочих приключившаяся, так за сердце и схватилась – перепугала всех. Итак народ сам не свой – а тут ещё охает бабка, хватается за сердце и оседает… пена изо рта

пошла, кстати. Хрен его знает, мы не медики, может, так оно и должно быть при плохом сердце…

Отдельно замечу – в деле есть показания фельдшерицы этой. И знаете, что она сказала? Что в момент, как у неё сердце схватило, явственно послышалась ей музыка… и она её узнала. Помните песню

'TIME' 'Пинк Флойд'? Ну, самое начало, когда басы в дело вступают?

Внучок её задолбал этой песней на магнитофоне – самая мода была в те времена. А стены-то деревянные… жила бабка в самом центре в трущобах у 'Дома контор' на задворках. Вот внук её и достал…

А там и в самом деле начало песни жутковатое. А не верите – врубите наушники на полную мощность и послушайте… пока кровь из ушей не пойдёт. У бабки – пошла. Слишком внезапно и громко загремело… и зло как-то… не по-человечески зло.

Пока бабку оттаскивают, фронтовик бывший за голову схватился. Ему в 1945-м в венгерском городке Секешфехервароше прилетело… прямо в лицо брызнуло от впереди бегущего солдатика.

Мина. Залепило бедняге фронтовику тёплыми до омерзения кишками и калом всё лицо… но по молодости лет и в горячке боя – смахнул и думать постарался забыть. А здесь – катается по камням, хрипит и всё пытается с головы стряхнуть. Заметьте – как раз кишки дочери ему и померещились… а той тогда уже лет тридцать было… двое детей у неё – мальчик и девочка.

Умер, кстати, через пару дней этот фронтовик. Батюшку просил на исповедь – не позвали. На весь город одна Ивановская церковь – так и не дождался.

Кто-то из присутствующих просто вонючим потом с беспричинного страха облился… кто-то Бога в небесах увидел, но постеснялся другим сказать, только отворачивался и суетился, помогая оттащить пострадавших… изредка, украдкой, на сияющий Лик в небе оглядываясь…

Кто-то в штаны навалил… так – без причины.

Прораб прибежал – ужас!

И никто не уходит. Пострадавшим кто помогал – те ещё чего-то соображают, стесняясь дерьма в штанах… остальные – просто, как зомби какие-то. Скажешь – поможет, а не окликнешь – так и будет стоять.

Там много, в деле, показаний. В целом – ничего странного. Один даже подумал, что дурной газ из-под крышки пошёл. Парень до этого в шахте работал – помнит.

А со стороны площади 1905 года трамваи, слышно, стучат…

по берегу реки, за забором, молодёжь пьяненькая вопит… девицы себе повизгивают…бутылки из-под портвейна пустые о камни – вдребезги – дзинь!

Воскресенье!

Гуляет рабочий класс Свердловска. Интеллигенция гуляет.

Жизнь идёт.

Семидесятые…

***

А начальником строительства Белого Дома, надо сказать, был тогда молодой, перспективный, спортивный, жёсткий… прямо-таки кинематографический яркий Борис Николаевич Ельцин. Вот и звонят ему, едва отошедши от суеты.

Приезжает Ельцин и матюгами на прораба. Какого-растакого хрена вся площадка не работает?

Так, мол, и так – сам полюбуйся. И не хрен ругаться! Народ в возбуждении, не ровён час, могут и лопатой огреть – не царское время… да и край со времён Петра – каторжный, отчаянный.

Спускается Борис Николаевич к месту происшествия, где три-четыре наиболее стойких работяг толкутся… и зеленеет. Мужик-то он наш, уральский. Корни крепкие. Так, потошнило немного, но быстро отошёл.

Что там Ельцин видел – не знает никто. Но вот какая штука – открылась крышка. Просто приподнялась и…

…и в сторону отошла… и легла на гранит.

И изображения на её поверхности – как внутрь втянулись – гладкая стала, матово-чёрная, а не блестящая, как раньше. Открылась внутри кольца дыра-колодец… шахта, не шахта, а вроде канализационного люка. Темнота внутри… если рискнёшь поглубже заглянуть, конечно… а таких смелых мало нашлось.

Вот, что делать начальнику строительства? Объект, как сейчас модно говорить, федерального значения. За срыв сроков так напиздюляют, что на всю жизнь мало не покажется!

И лезть внутрь колодца никому неохота.

Начальник первого отдела СМУ-114 прибыл. Самый наглый сучонок – и кто ему настучал? Посуетился, но быстро впал в депрессию…

Смотри-ка, и его проняло! Поплакал даже.

Жаль, с него показаний в дело не сняли…

Время идёт. Стройка стоит. Каждый, натурально, ссыт наверх

доложить о происшествии…

***

Жил в ту пору в районе 'фашистских дворов' Сёмка Г.

До 1967-го года болтался он в Уральской федерации парашютного спорта, но на одном из соревнований покалечился. Жена ему так и заявила – так, мол, и так, Семён, – либо прыгать с парашютом, но при этом – пошёл вон! – либо займись другим видом спорта и живи с любимой и любящей женой. Ибо мужской труп жене на три буквы не нужен, а нужен ей молодой и красивый спортсмен Сёмка, при котором в пивных Свердловска 'и все биндюжники вставали'.

NB. Кстати, 'фашистские дворы' – это просто несколько жилых домов, построенных в 40-х годах пленными немцами:)

Итак, жизнь без затяжных прыжков показалась Сёмке каторгой. Но друзья-шестидесятники увлекли его спелеологией – спортом не менее опасным. А там и до диггера – пару шагов… и полшага до личного досье в органах наших внутренних, до жопы по пустякам бдительных.

Вытаскивают Сёмку, на ночь глядя, из тёплого супружеского ложа и, не объясняя причин, волокут, куда следует. А следует – на проспект

Ленина, 25, где и восседает свердловское КГБ. Самый цвет его.

Можешь ли ты, блядь нерусская, в кои-то веки применить своё идиотское хобби на благо Родины?

А можете объяснить, в чём, собственно, дело?

А по ебальнику?

А права человека?

А по ебальнику?

…

А моё самодельное и поэтому дорогое мне снаряжение?

А забирай, мать твою, сукин сын!!! Полезай в чёртов колодец! И поскорее! Неровён час – до Москвы дойдёт!

(последняя мысль, конечно, не высказана вслух)

***

Вот мы и добрались до гигантской лакуны в деле.

Источник мой говорил, что были и фото, сделанные Сёмкой на первых порах спуска фотоаппаратом 'Смена' со вспышкой, – были. Ничего, мол, особенного – труба, уходящая в темноту. И квитанция-расписка от

Сёмки в деле есть. 'Получил 8 (восемь) элементов КБС для фотографической вспышки… на сумму… в чём и расписуюсь…"

Только фото нет. И страниц с показаниями Сёмки нет.

И нет его, родимого, нигде. Был человек – и сплыл. По слухам – в

Израиле. А на самом деле – живут в его квартире какие-то вполне обычные пенсионеры… отставные 'сотрудники органов'… бодренькие такие, жить ещё и жить.

А про Сёмку они и слыхом не слыхивали.

А искать его по всем госархивам у меня допуска нет.

…

И есть в деле светокопии чертежей с пометками-исправлениями, сделанными рукой Ельцина. Дескать, не бетоном заливать, как вы бы могли подумать, а просто перекрыть железобетонными плитами сие непонятное образование… и железный люк соорудить над всей этой каморкой.

Говорят, дыра закрылась-таки…

А в одном из помещений хорошо охраняемого бомбоубежища в подвалах

Белого Дома Свердловска-Екатеринбурга и по сию пору есть в полу массивный стальной люк, сделанный впопыхах по спецзаказу на одном из заводов Уралмаша.

А ключи от него, говорят, у Ельцина были долгое время.

Вот только поседел он рано…

…и президентом России со временем стал.

И в церковь, судя по всему, ходить повадился… искренне и честно… особенно после ГКЧП, которое он сковырнул легко и играючи,

– помните, как завибрировали все эти гкчеписты сразу после ареста?

Это они сейчас такие гордые, а тогда просто в брюки прилюдно пИсали…

Может, и правы те, кто говорит, что из колодца жутью тянуло… но, мол, некоторые почему-то устояли. Не берусь судить.

Заметьте – преемник Бориса Николаевича – губернатор наш свердловский, нынешний, господин Россель Э.Э. – уже 15-й год в губернаторах ходит!

Бодрый такой… хотя и за семьдесят перевалило давно.

Друзьями они с Ельциным были.

Вот только, почему-то, взял и построил наш Россель отдельную

'Резиденцию Губернатора Свердловской Области'. Мини-Кремль земли

Уральской, за километр от Белого Дома… оттуда с той поры и правит.

А пресловутый Белый дом последние пять лет занимает правительство

Свердловской области во главе с премьер-министром и прочие новомодные образования.

А бомбоубежище в Белом Доме, – не сомневайтесь! – по-прежнему в порядке держат. Только пройти туда никакой возможности нет.

Федеральный объект!

***

Край у нас, прямо скажем, страшноватенький… каторжный. Сколько здесь народу за триста с лишним лет повыморили – жуть! И то верно, пока из земли руду выковыряешь, пока её привезёшь, обогатишь и выплавишь искомое… а потом ещё и прокуёшь не на раз, да обработаешь…просто костями всё устлано, ей-богу!

Ну, и народ соответствующий. Антон Палыч Чехов заметил, что 'в

Екатеринбурге на каждом шагу встречаются лица, глядя на которые думаешь, что при рождении этого человека присутствовал не акушер, а механик'.

Однако, слышь, живём!

Не Москва, конечно, не Питер… но Екатеринбург тоже не пальцем делан – есть на что посмотреть. И легенды у него, как у всякого большого города, довольно разнообразны. Тут тебе и 'чёрная рука' и

'кровавый трамвай', и прочие страшилки для обоеполых детей… как младшего, так и детородного возраста.

Жила на улице Фрунзе одна бабулька. Смешная такая – сухонькая, как позапрошлогодний гриб в бумажном пакетике, что рачительная хозяйка в кухонном шкафу хранит. Семенит, бывало, бабка в магазин и на машину, грязью её окатившую, палкой своей

машет. Вот, мол, я вас, засранцы паршивые! В магазине платочек сердито развернёт и 22 копейки из жалкой горсточки отсчитает – на буханку хлеба.

Ну, по праздникам, бывало, и водочки возьмёт. Сама-то не толклась у прилавка, а выберет мужичка с лицом поприятнее и просит его: мол, молодой человек, купи, уж, бутылочку, не обмани старушку! Времечко было ещё не лихое – покупали, не позарились на бабушкины 3 рубля 62 копейки люди добрые, дай Бог здоровья им!

Вообще, надо сказать, и колоритнейший же народишко у винных магазинов в те времена толокся! Особенно минут за двадцать до закрытия:)

Помнится, идут два мужика в телогрейках, обнявшись за плечи, – один машет рукой с зажатым в ней рублём и горстью мелочи, – и оба размеренно кричат:

– Нужен третий, рупь-писят! Нужен третий, рупь-писят!

И подскакивает к ним человек, готовый довложиться на этот самый рубль и пятьдесят копеек… и, пошушукавшись буквально три секунды, один из телогреечников радостно отделяется от троицы и несётся к магазину. И обратно бежит с водочкой. Глядишь, уже и стаканчик готов… ну, это там, в скверике, в кустах акации неподалёку от магазина, где лежит поперёк небольшой полянки бревно, вытертое рабочими штанами, а на сучке болтается гранёный стакан, по которому ползает любопытный муравей.

А вот и плавленый сырок 'Дружба' осторожно раскрывается и делится на три части… и потекла беседа. Беседушка! Кто, где и как… на каком фронте воевал… как после войны пристроился… и каков начальничек-ключик-чайничек – скотина непомерная.

Эх, тема эта неподъёмная, вечная. Хотите – читайте

'Москва-Петушки'. Наш мужик написал, уральский! А то, что там болтают, – мол, в Мо-о-оскве-е-е жил, – это вы не верьте. Его ж пол-Тагила знает! Сидел он там… вот те крест! И мужик со мной работал, что с ним на зоне был! Хороший, говорит, был человек, правильный! Блатные даже уважали!

А то, что молодёжь бесперечь портвейн '777' брала – так это ж надо было додуматься, такую отраву продавать! Нет, наш брат, рабочий класс, такое пойло сходу рекомендовал в Африку сбагривать. Нехай там над джунглями распыляют, чтобы контрреволюционные антиленинские негры дохли. Опять же – можно отправлять бутылки обратно советским республикам-производителям с припиской: мол, у нас все заборы и без вас покрашены – краска больше не нужна, заберите ваш портвешок… и привет мировой революции!

Однако же, есть и среди приличных людей сволочи.

Просит, так-то вот, бабулька молодого интересного… морда красная, дублёночка, кейс-дипломат, шарф мохеровый – интеллигентный мужчина! – давай, мол, уважь старость, купи бутылочку на светлый

Христов праздник Победы 9 мая. Не вибрируй, бабка, – отвечает ей молодой ретивый, – стриженая девка косы не заплетёт, как я обернусь!

И пропал.

Стояла бабулька долго, всё подслеповатыми глазками всматривалась в людей, входящих в магазин и выходящих из него…

Алкаши, голь перекатная, работяги беспорточные пожалели – скинулись бабушке на бутылочку… правда, половину-то сами тут же и выдули… да много ли бабушке надо? И на том спасибо!

Выпила дома рюмочку, альбом достала и поревела на старыми фотографиями, где коса у неё – в руку толщиной… талия осиная и глазищи, как у хвалёной Софи Лорен. Пашеньку своего помянула… остаточки в бутылке уговорила… послушала радио, где Кобзон глотку дерёт… плакала-плакала, да так и заснула. И снился ей Павел… двадцати ему так и не исполнилось. Косая сажень в плечах – наш корень-то – кузнечный, ВИЗовский. Бывало здоровенные чушки железные под молот клещами, как пёрышки кидал!

Смеётся… ну, говорит, Олька, и старая же стала… дурёха ты смешная! Нашла, кому денежки свои пенсионные доверить – скотине тыловой! Ну, да ладно… живи спокойно, молись за солдат, невинно убиенных, за кровь их, в землю ушедшую… а я уже пятьдесят с лишним лет жду тебя, милую мою девчоночку строптивую, красавицу голубоглазую…

А сучонок к тому времени ворованную водочку ради праздничка попивает, радуется. Ну, жена, конечно, бухтит: мол, что ни праздник, так ты и на рогах! Пьёте, мол, и пьёте… когда же зальётесь-то, наконец, алкоголики?!

И – как в воду глядела!

Залился наш сучонок – на всю жизнь залился, гад!

По-первости никак сообразить не мог – что же это такое, граждане?

Ну, поутру понятно – не протрезвел ещё. Намахнул пивка из полиэтиленового мешочка, в холодильнике припасённого, спать прилёг, чтобы молодой ядрёный организм токсины вывел… да только и к вечеру никак не протрезвеет! И так, и этак… не проходит хмель.

День, другой… неделя… месяц!!!

Мечта алкоголика… да только хмель-то какой-то тяжёлый, рвотный.

И потеет, как свинья. И тоска кабацкая, хоть голову об стену разбивай – тошно так.

В общем, таскала его жена по разным специалистам, вплоть до академиков, а те только руками разводят – нет ни хрена в сучонке никаких отклонений! Здоров, как бык – брёвна на нём возить… если протрезвеет, конечно.

А у нас не Москва, академиков мало! Довольно быстро всех и обошли. Бабе вскоре остопротивело с вечно пьяным вонючим козлом по врачам бегать. Так и бросила его… и квартирку себе у этого ремка запойного отсудила.

Сгинул мужик где-то под забором, так и не поняв – за что.

Может, перед смертью что-то поблазнилось… Говорят, нашли его, а морда вся зарёванная… и в руках бутылка. Полная. И пробка не свёрнута.

И говорят теперь постаревшие соседки… кто при жизни бабушки, ещё сопливыми девчонками, польской косметикой глаза намалёвывал, по танцам бегал и 'Над землёй летели лебеди…' слушал: 'А баба Оля – она всё-таки, хоть и ругалась иногда, хорошая была! Хоть и старая, а всё понимала. И парень у неё красивый был… показывала она фотки… и сама красивая в молодости была – даже не верится!'

Как померла бабушка, так, – странно даже, – эти девчонки, под барашка кудрявого стриженные (мода была в конце 70-х) – взахлёб ревели. И примета, слышь, такая повелась, что у бабушки на могиле непременно надо фотографию своего парня, улыбающегося, на ночь оставить. Если скрючило, разъело фотку сыростью, черты лица исказило

– внимательна будь! А если лежит фотография под ржавым памятником, как будто только что положенная – держись за этого человека, как чёрт за грешную душу! Надёжный, значит, парень, радуйся…

…и люби его крепко, как Ольга своего Пашеньку.

Жизнь – штука короткая, где уж нам знать, как и что.

А тот альбом девчонки-соседки бабушке в гроб положили. Настояли на своём.

И то сказать, сколько я таких выброшенных альбомов видел… кому они нужны, кроме тех, кто умер?..

Пусть Оля с собой этот альбом хранит.

А цветы, нет-нет, да под памятником – свежие – обнаруживаются.

И фотографии…

****

Среди всех иных-прочих достопримечательностей

Свердловска-Екатеринбурга главная, конечно – недостроенная телевизионная башня, торчащая на берегу Исети, аккурат в самом центре города. "Ну, не достроена и не достроена, – скажет кто-нибудь, – экая важность! Атомные крейсеры и те не достроили в своё время… а тут – башня. Эх, провинция!"

Дело и впрямь не шибко великое. Да только хотели эту башню возвести уральским жителям на радость, дотянув её чуть ли не до

Останкинской. Нет, конечно, поперёк Москвы никто лезть не обучен… ищи дурака! Поэтому отгрохать её хотели метров на четыреста с гаком и заслуженно получить звание "Башня N2 СССР".

Шуму, помнится, много по этому поводу было. И то сказать – экая махина вознесётся! Ну, и начали её, эту самую башню, строить.

Попёрла вверх красавица: стройная бетонная труба в изящных круглых оконцах. И выросла она на двести с лишним метров, как раз до того уровня, где вращающийся ресторан должны были соорудить. А тут – хлоп

– привалила Великая Августовская буржуазная революция 1991 года. А как пелось в своё время на стихи то ли Евтушенко, то ли

Вознесенского: "Есть у Революции начало – нет у Революции конца!"

Это точно. Конца у этой революции нет. А начало было бурным, как и подобает государственному российскому перевороту. Вымело из магазинов всё подчистую… даже то, что каким-то чудом при коммунистах на полках ещё лежало. Защёлкали по дворам выстрелы братанов, заохали беззарплатные работяги по многочисленным уральским оборонным заводам. Забегали инженеры… "Инженеры – мысли пионеры, а где же ваши схе-е-емы? Наши схемы – там же, где и все мы, вот где наши схемы! Фьють-фьють!"… забегали, говорю, инженеры – в галстучках и костюмах, побрякивая дипломатами-мыльницами, ибо страсть как хотелось всем и каждому стать "брокером". А проще говоря, тиснуть где-нибудь на заводских путях пару вагонов с металлом, – желательно цветным, – продать… кэш в зубы и… ищи ветра в поле!

Помнится, завлаб наш, Григорий Наумович, влетает как-то вечерком в лабораторию, где научные сотрудники с горя спирт

казённый попивают. Так, мол, и так, мужики, за углом бесхозный сварочный аппарат приключился. Тяжёлый, гад, одному не уволочь! А ну-ка, впряжёмся, спиздим, и будем подрабатывать, – это помимо всего прочего, – ещё и заказами на сварку! Побежала пьяненькая научная интеллигенция, потащила аппарат. А из окна третьего этажа хозяин аппарата ка-а-ак высунется! Да ка-а-к начнёт поливать нас сверху донизу, вдоль и поперёк, включая всю родню нашу и ныне, и присно, и вовеки веков…

Так и не состоялось обогащение Гришиного Малого Предприятия "Нау

amp; Тех" посредством приобретения средств производства;)

С тем же принципом и строительство башни встало. Что могли – спёрли, остальное – так оставили. Нехай стоит. Авось как-нибудь в стране устаканится, оботрётся, переможется… а там и продолжим.

Со временем сорвало с самого верха конус из жести, закрывающий механизм лифта; растащили всё, что можно было открутить-оторвать-отрезать; выломали дверь, ведущую в самое основание башни… и стала Башня (теперь уже – с большой буквы) многие лета жить самостоятельной жизнью.

NB. Из граффити на наружной и внутренней стене основания Башни:

"Толкиен говорил, что гномы боятся высоты. И он был прав!"

"Я люблю свободу!"

"Я хочу быть с тобой! NAUTILUS"

И жутковатые надписи, рядом с которыми стоят даты жизни:

"Володя, ты смог сделать это. 12.06.199…г."

"Он любил Башню и Она забрала его к себе"

"Лена. 7 августа 199…г."

Как видите, Башня действительно зажила собственной жизнью.

Окружённая диким бурьяном, ржавыми расхряпанными механизмами, бетонными блоками, сваленными вкривь и вкось, молодыми подрастающими кустами и топольками, – выстрелом в небо рвалась она прямо в серые уральские тучи… и стоя у подножия, восхищённые пацаны теряли шапки, вглядываясь вверх.

Вначале в Башню только самые оторвы и лазили. По наружной стене можно было подняться – ещё крепка была лестница. Внутри же лифт давно раскурочили и подниматься можно было только по стальным конструкциям внутренних лесов и прочих технических балок и поперечин.

Потом это, – уж как водится, – в моду вошло. Телевизионщики с камерами не раз, пыхтя, наверх забирались;

пацаны с девчонками романтические свидания устраивали. Несколько раз бэйсеры вниз успешно сигали… да мужик-альпинист с палаткой, крючьями и верёвками три дня на самую верхотуру пёрся. Словом, жизнь кипит!

За пару ходок – перчатки, как решето. Ржавое всё…

На самом верху, кстати, жутковато. Перила чисто технологические – два брусочка и поперечинки. Стоишь, облокотившись на них, и полное ощущение того, что ты голенький на 220-метровой высоте за прутик от веника держишься. Сама площадка напоминает снизу шляпку гвоздя, то есть диаметр её раза в полтора больше, чем сама Башня в верхней её части. Так эта площадка, мать её, ещё и в технологических отверстиях вся, как сыр голландский. Самое большое напоминает незакрытый проём люка в подпол. Сделаешь, сдуру, шаг в сторону не поглядев… и полетел!

И надпись рядом с этой дырой масляной краской в бетон въелась:

"EXIT FOR MAN"

Шутки юмора такие.

Забивали дверь в основание Башни, охранять пытались – да где уж там! Прутся все, кому не лень, адреналином накачиваться… это вдобавок к пиву-водке и прочим прелестям бытовой наркомании…

Ну, и порой… вниз.

Человек тридцать с лишним Башня таки унесла…

Кто – сам. Кто – нечаянно.

Помню, девчонка одна так на ржавые перекладины с самого верха рухнула, что пополам несчастную разорвало. Подружки увидели и ублевали всё вокруг. Это не считая массовой истерики. Бывалым ментам и то тошно стало.

И появилась на стене Башни ещё одна надпись… и даты жизни.

Другая девушка на мокром железе внутри Башни ослабла. Вверх-то добралась, а назад – силёнки уже кончились. Ржавое всё, холодное.

Дождь Башню насквозь пронизывает. Рука в перчатке соскользнула и девчонка с первых же метров обратного пути вниз – ах! – да так шеей где-то на высоте метров ста зацепилась. Спасатели несколько часов возились, труп доставали. А "в утешение" родителям сказали, что, мол, хорошо – голова не оторвалась. Сами удивляемся. В гробу теперь целенькая лежать будет.

В общем, контингент, "ходивший на Башню", как на свидание, был тот ещё: от пьяненьких семиклассников, до солидных дядей в дорогих спортивных костюмах. И нет-нет летели они сверху вниз, невзирая на опыт, возраст, снаряжение и социальное положение…

И был среди завсегдатаев Клуба Башни парнишка один. Из русских эмигрантов. Приехал с матерью откуда-то из Средней Азии. Дембель ему на 1992 год выпал, а дома, – ещё помните? – этнические конфликты бушуют. Это их по телевизору так стыдливо называют. На деле – упаси

Господь, – совсем озверели людишки со своими национальными гордостями и прочей жестью.

Среди своих парнишку звали Генка Курбаши. Никто, правда, к нему сам не подходил. Подойдёшь к нему, ага! Зыркнет на тебя гневным глазом и молча пошёл вверх, словно торнадо. Ты ещё на первом ярусе соплю утираешь, а Курбаши уже на самом верху. Сядет, бывало, верхом на тонкие перила, ноги в пустоту свесит – как не навернётся – непонятно… смотреть-то на него страшно! – и курит задумчиво…

Злость сжигала этого парня, как раковая опухоль. По слухам, насмотрелся он в своей короткой жизни такого, что на роту ночных кошмаров хватит. Пробовали было подъехать к Генке с разговорами – высота, она располагает… покурить, пофилософствовать – да только

Курбаши всё больше "да" и "нет", а чего другого – не вытянешь.

Разговаривал иногда, конечно, что там…

Каждый день основной контингент всё тот же. Поневоле здороваться, да общаться начнёшь. Идти многим некуда, кроме, как на Башню. А там, глядишь, кто сигареткой, кто пивком угостит. Пацаны, как на работу бегали, с утра и… до самого позднего вечера. Вот и ходили слухи, что Курбаши хочет во французский Иностранный Легион податься. Мол, не сегодня-завтра.

А то, ни работы, ни денег, ни хрена… хоть по помойкам ройся. А там, где берут – прогибаться надо. Да ещё и наебут по деньгам не единожды. Вон, Пашка-то, третий месяц свои полтора лимона ходит, выклянчивает…

А к братанам Курбаши не хочет… во всяком случае – давно бы у них был, если бы захотел. И чего ломается? После армии всё-таки, взяли бы в бойцы, все так начинают!

Тренируется Курбаши, тренируется… зачем? Куда?

Вон, зверюга-лось, на одних руках уже наверх подымается! И быстрее – хы-хы-хы – чем некоторые здесь присутствующие – с помощью всех имеющихся конечностей!

И Курбаши стал на Башне легендой.

Мало ему было просто так на самый верх вскарабкаться – начал он на время восхождения и спуски делать. А когда и это приелось, то руки себе сковывал, завязывал глаза… и… пошёл судьбу испытывать.

Пристрастился по внешней лестнице на время взбираться. А там кое-где угол наклона отрицательный. Это значит, что чуть ноги соскользнули оттого, что задница перевесила, и ты уже висишь, как на турнике…

Да ещё и сама лестница во многих местах от поверхности Башни оторвалась давно… и болтается.

Вот и прёт Курбаши по этой лестнице, только скрип стоит и ржавые хлопья вниз летят! Смотришь, а он уже наверху. Минут десять-пятнадцать посидит, покурит и – снова вниз.

Висишь, бывало, где-то внутри, вцепившись в гнилое железо и с тоской прикидываешь, что вниз – гордость не позволяет, а наверх – кишка тонка… а в огромный круглый проём окна Башни до тебя снаружи доносится, как Курбаши – дрррррррынь! – вниз со скоростью небывалой слетает…

Девчонки пытались ему глазки строить… да куда там! Глянет, как раскалённым углём прожжёт и снова вверх, вверх, вверх!

Башня его жизнью была. И только она.

Нашли Курбаши поутру, осенью, когда верх Башни тонет в серой мгле низких скучных облаков. Лежал он на спине в луже крови и остывшими глазами смотрел, как ветер треплет самую сложную часть пути – оторвавшиеся от стены проёмы лестницы. Два "башенника" тоскливо рассказывали не выспавшимся хмурым ментам, что приходил Курбаши ночью, – естественно, приходил, а как же! Посидел, покурил. С

Федькой, вон, по сто грамм выпили, а то холодно и промозгло…

А потом ушёл. Как всегда – не прощаясь. Ни криков они не слышали, ни удара.

Да и поутру-то, прямо скажем, не сразу они Генку увидели. Если честно – то не было его здесь, на этом месте! Или он где-то в Башне скрывался и позже упал, или сами не знаем, что! Вон, гляньте, он же целый совсем! Затылок только и разбит! А если бы он с верхотуры загремел? Сами же не раз видели, как это бывает…

Ну, поди, самоубийство, молвили менты и равнодушно погрузили тело

Курбаши в труповозку. Дело – хлоп-шлёп – довольно быстро прикрыли, ибо вариантов никаких не просматривалось: либо

парень от безысходности прыгнул, либо доигрался… сам сорвался… надолго ли собаке блин?

Заварили дверь в очередной раз… а к вечеру уже на Башне поминки по Генке были…

Хрена ли нам эта дверь? Так… на пару ковыряний ломиком.

И пошла жизнь дальше.

Лет пять-шесть назад прикрыли Башню полностью. Шиш теперь в неё попадёшь. Так и гниют внутри балки и поперечины, да на головокружительной высоте давно уже не увидишь никого.

Иногда только… вне зависимости от времени суток и погоды… если в бинокль глядеть – видно: вот же он, Курбаши!!! Видите? Сидит, курит… и ветер относит в сторону искры от дрянной сигареты "Прима" без фильтра.

И смотрит Курбаши куда-то поверх городских крыш и башен… зло смотрит, непримиримо и зло.

Один, как всегда.

***

Говорят, мол, на Урале народ суровый и малоразговорчивый. Но и вспыльчивый. Чуть что – сразу в драку. И это в трезвом виде… что уж говорить о виде расхристанном и пьяном? Мол, край уральский с

18-го века – каторжный, уголовный, пропащий.

Однако, честно рассуждая, темперамент уральцев находится где-то между темпераментом москвичей (ох, и суетливый же народ, – чисто итальянцы!) и темпераментом загадочного народа манси.

Впрочем, может быть я и ошибаюсь. В конце концов, перевалив за горбушку жизненного пути и начиная спускаться в сумрачную долину вынужденной житейской мудрости, начинаешь смотреть на людей проще.

Так сказать, машешь рукой и говоришь сам себе: 'Боже мой! Что Иван, что Абрам, – не говоря уж о Жане и Хуане, – все одним мирром мазаны… и если уж говорить начистоту – от одной обезьяны произошли!'

Но это так, к слову. А вот вам и ужастик. Как всегда, предупреждаю, источников не выдаю, о документах – не заикаюсь.

Хотите – ищите сами, а я людям обещание дал…

В самом начале перестройки затеяли в одном из районов

Екатеринбурга строительство 'школы XXI-го века'. Два трёхэтажных корпуса, бассейн между ними, стадион, теплицы и сад – всё, как у проклятых буржуев, только красивее и функциональнее.

Архитектор-проектант кипятком в потолок фонтанирует, областной отдел народного образования (ОблОНО) в Москву целые картины в цвете возит

– хвастается; глава облисполкома в своих речах и докладах 'наверх' кстати и некстати будущую школу поминает… словом – идёт шумный пиар и пиарный шум.

Снесли четыре квартала частных домиков. Жители не очень довольны были таким поворотом дела. Ещё бы! Ты, вроде, и в центре живёшь, и в то же время в своём собственном доме. Курей держали, коров и коз… яблони, да облепиху лелеяли… огурцы-помидорчики выращивали… не говоря уж о луке, чесночке, укропчике и прочем хрене.

Поутру, бывало, летом мимо топаешь, а запахи к тебе плывут – чисто деревенские… не говоря уж об утренней симфонии звуков: петух надрывается, солнышко приветствует, куры квохчут, корова у кого-то промычала, а вот и собачонки чужака приветствуют утренним лаем. И какой-нибудь Трезор на цепи, сам размером с телёнка, перекрывает их из-за поленницы мощным рёвом: 'Гау-у-у!' – да так, что ноги у вас сами собой быстрее движутся.

Глядишь, хозяева свои 'москвички' да 'жигулёнки' заводят, хлопочут… а навстречу такая ладная девчонка на коромысле вёдра с водой от колонки тащит, что так и хочется молодцевато расправить грудь и кинуться помочь красавице… эх, хороша девчонка!

А из труб вкусный дымок к небу поднимается. И в двух кварталах трамваи звонками заливаются – центр как-никак!

В общем, снесли всю эту благодать. И возвели-таки школу.

А тут и август 1991-го подоспел, и страна ринулась в капитализм.

Ну, об этом периоде я уже много говорил. Что же касается школы, то начали вводить плату за обучение, обозвали несчастную школу

'гимназией', потихоньку оборудовали стоянку для мерседесов и тойот… и начали жить.

Вот только с бассейном пруха получилась. Дорого! Драть с родителей дополнительные денежки… так со всех-то подряд – не выходит! Есть, ведь, в классах и дети нищих педагогов, и прочих инженеров-конструкторов, да разнообразных оборонщиков. Порешили сделать бассейные услуги чисто платными, шикнули

на пикет из пяти бабушек с плакатами: 'Наши дети тоже нуждаются в купаниях!' – и успокоились.

Положен был бассейну и отдельный сторож. Шутка ли – здоровенное сооружение, любому заморскому колледжу под стать! Как же не охранять?

Как и водится, закружили вокруг директора школы братаны.

Зашуршали баксы, зашептался педагогический коллектив…

Но жить-то как-то надо! Вон, в теплицах рабочие нужны! А где их взять? Бабка Маня уж с полгода, как преставилась… вот уж была энтузиастка тепличного дела! Огурчики да помидорчики в школьной столовой не переводились! Да и ремонт в классах нужен, благо, что школе и года не исполнилось. Да и педагоги разбегаются – окладишки-то настолько низкие, что любая необразованная продавщица в

'комке' через губу с учителем физики разговаривает…

Так что стал бассейн жить, так сказать, двойной жизнью. Днём в нём малочисленные группки детей уральских 'новых русских' плещутся, а по ночам эти самые новые русские с девочками и коньяком-вином-шампанским там же брызжутся.

К чести директора будь сказано, продала она эти афинские ночи не абы кому попало, а людям вполне приличным, привозящим путан высшего класса. А то, понимаешь, после иных, и детей в воду запускать страшно… мало ли какой букет вензаболеваний тащит на себе какая-нибудь симпатяшка?..

Сторож, – он же уборщик и оператор по очистке, – рад был, как слон при виде маленькой булочки. С его-то высшим образованием по промышленной водоочистке – самое место ему среди бомжей! А тут – пьяненькие нувориши сорят долларами, как дырявая подушка перьями, – хватает и на оплату слесаря, которого официальным путём через школьную бухгалтерию не проведёшь, и на оплату уборщицы и на прочие удовольствия новой жизни, включая договорённости с энергетиками на тепло, свет и воду. Директрисе-то львиная доля перепадает, а нам, пролетариату бассейному – крохи. Но и они неплохи! Каждому бы такие, ей-богу!

Так и развернулось 'мокрое дело', как называл его счастливый сторож. Ночь, машины подъезжают, в руку денежки суют, в раздевалке

(а она на отдельный ключ закрывалась! – не детей же в неё днём запускать!) олигархи раздеваются, тискают закупленных накануне девиц, разогреваются дорогими напитками и – бултых всем колхозом в воду! Эх, хорошо! Спасибо новым экономическим отношениям! Так вот оно какое – счастье!

Ну, конечно, это не сауна с девочками. Не распируешься. Но

поплавать с гладкими молодушками, освежить уставшее тело, понырять-покувыркаться – самое то! А там можно и в сауну, и в ресторанчик… благо, что появлялись они, как грибы после долларового дождика по всему Екатеринбургу.

Со временем сторож-бассейнщик пообвыкся. Стал кем-то вроде старого слуги из 'Вишнёвого сада' – мог и на хозяев поворчать, если заслуживали. Да и они к нему привыкли. Только, вот беда, контингент меняться стал. Кто из хозяев за бугор подался, кто в сырую землю лёг, а кто и в госчиновники ушёл – где и денег неизмеримо больше, и возможностей – не меряно. Да и строить для VIP-ов наловчились пошикарнее школьного бассейна. Пошёл теперь контингент из тех, кто помоложе, да нетерпимее. Поди, скажи такому ухарю что-нибудь поперёк… себе дороже будет.

Но сторож свою линию гнул. Трахаться – это, пожалуйста, в раздевалке. Там и столики давно уже поставлены, и из надёжного ресторанчика мальчонки молчаливые и незаметные дежурят.

Поднести-унести, подтереть… всё, как в лучших борделях Парижа и

Лондона! Ешь, пей, пируй на здоровье. Но – без выходок этих… дурацких, новорусских. Не надо в бассейн блевать и стрелять в потолок – это нам совсем ни к чему.

Вот как-то и нашла коса на камень. Прикатила компания срамная… совсем уж из свеженьких 'олигархов' доморощенных. Музыка орёт на три квартала, девки визжат, кому-то морду бьют… затеяли свои разборки прямо в бассейне. Кого-то из вызванных лохов 'на счётчик ставят' прямо у раздевалки, у дверей уже бригада педикюрщиц топчется, колотит, звонок обрывает – вызвали по чьей-то пьяной прихоти. В вестибюле пацаны из охраны стволами хвастаются, в новомодные сотовые телефоны переговариваются… бардак, полный бардак!

И вылез наш сторож с укоризною. Мол, губернаторов уважывал, и то себе такого не позволяли-с…

Вылез, как говорится, на свою голову. Не разбираясь, двинули по физиономии, ногами по рёбрам, да по голове… и в бассейн, где пьяненькие баре и по символической плюхе отвесили, – знай, мол, козёл, на кого хвост задираешь! Вылезли, ополоснулись, коньячку накатили… собираться стали. Мол, скучно здесь, поехали, куда повеселее!

Охрана жмётся… прокол вышел! Сторож-то этот… того… как бы это сказать, чтобы не обидеть… плавает мордой вниз и не шевелится.

А ну и пусть плавает, пиздюк старый… поехали, пацаны, поехали!

Нет, ну… а как же тело? Помер старый дурак. Помер и теперь болтается прямо в бассейне… чего делать-то, а?

Судили-рядили недолго – эка невидаль! Вытащить, запаковать в полотенца и простыни, за город вывезти и прикопать там, где дорожное полотно меняют. Закатают старого пердуна асфальтом – и хрен с ним.

Мало ли там, на уральских трассах, в шоссейной отсыпке покойничков?

А ежели директриса школы хотя бы брови подымет – провести профилактическую беседу со старой сучкой. Мало мы в школах с училками общались… вот пусть вздрогнет, кобыла старая, отдуется за мучения наши школьные!

А теперь – поехали!

В сауну!

В ресторан!

Бля-а-а, пацаны, реально гуляем!

***

Хитроумный читатель, поди, уже всю канву рассказа просёк…

Наловчились сейчас кошмарики описывать… и пописывать. И то сказать, за последние годы такого нагляделись, что или с души воротит, или шкуру себе бегемотову нарастил и стараешься даже и не глядеть в ту сторону, откуда беспокойство…

Однако продолжу всё-таки. Авось не все такие прозорливые, что сюжет, как подмётки на ходу, рвут прямо из зубов.

Словом, через две недели братаны наши опять к бассейну прикатили.

К тому времени о стороже только старушка-жена, да сын-недотёпа, олух

Царя Небесного, беспокоились. Менты со своими микроскопическими зарплатами и вечными запарками, даже и не рыпались. Ну, пропал человек – Боже ты мой! Да, может, послал на хуй такую жизнь и в

Москву подался, подальше от опостылевшей жены-библиотекаря и сына-филолога, вечного холостяка. Опротивело львиную долю заработка семье отдавать, вот и дёрнул наш дипломированный промышленный водоочиститель, куда подальше… в поисках лучшей доли.

Итак, справились Хозяева Жизни у нового сторожа-смотрителя – чищен ли тщательно бассейн и готово ли всё к их

приезду… и шумной компанией ввалились в раздевалку. Новый-то сторож тот ещё жихарь был… не чета предыдущему энтузиасту. Он и на полотенцах наварил, и на ресторанчике, выпивку-закуску предоставляющему, и на обслуге…

Однако, остерегался, всё-таки, лакейская душа. Слухи ходили жёсткие. Этак можно и компанию составить… бывшему сторожу. Так что, внешне, всё чин-чинарём, по первому классу. Гости коньяк жрут, тело обнажают, тёлочек мнут.

И приходит им в хмельную голову идея, которую они по своей простоте, за высший шик принимают – мол, потушим почти весь свет в бассейне, попрыгаем туда, а потом девки к нам гурьбой поскачут.

Устроим, так сказать, охоту на рыбок… кто кого поймает, тот с тем и совокупляется. Между прочим, и мальчиков там штуки четыре было. К тому времени мода на педерастию уже бушевала как наверху, так и внизу. Во всех, так сказать, олигархических слоях общества.

В общем, так и сделали. Выпили, разделись, попрыгали в бассейн, освещённый таинственным светом двух тусклых ламп под потолком.

Уговор был прост – рассредоточиться по всему бассейну, а потом отмашку дать – мол, запускай рыбёшку!

Ну, и посыпалась 'рыбёшка'… и давай визжать!

Плавают наши 'баре' мордами сизыми вниз… только 'бермуды' в воде колышутся. И кровь от каждого клубами расходится…

Многочисленные укусы, плюс насильственное утопление – как судмедэксперты зафиксировали.

Шум стоит! Свидетелей по делу – кого найти удалось – следователи конвейером жмут так, что глаза на лоб вылазят. Нового сторожа братаны сгоряча где-то за городом допрашивали, да так и грохнули – следов не найти. Менты из кожи лезут… но – в пределах. Такие дела

– на свою голову раскручивать. Ограничимся допросом свидетелей и ладно.

Ничего, конечно, не нарыли.

И острыми зубами вырванные глотки, пальцы и прочее – в смысле, части тела – так и не нашли.

Поговаривают, что у одного убитого в руке пилотка была зажата.

Чёрная.

Точно такую, сторож прежний на своей бедовой голове таскал и в пир, и в мир, и в добрые люди. В молодости служил он на атомной подводной лодке. Сам-то он из Челябинска, а оттуда

традиционно на подводный флот призывают…

А бассейн закрыт и по сию пору. Он, всё-таки, не шибко рентабелен был. Да и запускать туда ребятишек уже никому не хотелось. Нет, конечно, он существует… но в законсервированном состоянии.

До лучших времён.

***

Упрекают меня часто: "Какого же чёрта не расскажешь ты о знаменитом Ипатьевском доме? Чай, на весь мир прогремели вы, екатеринбуржцы, тем, что убили последнего царя. А ты, хмырь-автор, ни гу-гу!"

Только, граждане, легенд, связанных с Ипатьевским домом – нет.

Вот нет, и всё тут. "Как сваркой срезало", – говаривал один мой старый знакомый. Помнится, как Василий Иванович Воронцов, старший научный сотрудник ВНИИ Энергоцветмет рассказывал, как в семидесятых, летом, будучи студентом, подхватил халтуру на ремонт квартиры… аккурат в Ипатьевском доме.

Ну, и говорит хозяйка квартиры, разомлев от обилия молодых горячих студентиков, мол, пошли, покажу вам подвал, где царя убили со всей семьёй! Спустились, поглядели. Подвалы тогда были дополнительно на какие-то клетушки-сараюшки разделены перегородками.

В одной дровишки хранятся, в других велосипеды заперты, в третьей мрачный мужик в мини-слесарке железяку напильником обрабатывает, только скрежет стоит.

Потоптались в той самой комнате, тупо на пол с выбоинами, забитыми слежавшимся мусором посмотрели… в мутное окошко под потолком глянули… и с чистой душой обратно пошли. Вот вам и все привидения и прочие "призраки Русской Смуты".

Теперь на этом месте Храм стоит. С памятником семье царской.

Говорят, что Храм – точная копия знаменитого московского… ну, того самого, что недалеко от Кремля. Стены белые, купола золочёные… красиво! Солидно и державно.

Однако, шибко торжественный какой-то, чтобы не сказать – помпезный.

Не та церковь, в которую вечером зайти можно… на иконы

перекреститься, со стареньким батюшкой словечком перемолвиться, свечечку зажечь…

А потом выйти с полегчавшим сердцем и в кои-то веки не бутылочку горькой в магазинчике прихватить, а зайти к соседской старушке и спросить – надо ли чем помочь? Ну, как не надо! – всегда что-нибудь, да и приключится у горемыки. То телевизор ветхий барахлит, то бачок в туалете льёт и льёт воду, то у шкафа дверца ни с того ни с сего на одной петле повисла… то просто поплакать бабушке хочется – так и не пишет дура-дочь, а за неё, бестолковую, всё сердце у матери изныло…

И сесть, поговорить со старухой искренне и сочувственно…

…и помочь, чем можешь…

…а ночью проснуться от того, что не спится, выйти на балкон, закурить, глядя на огромный, никогда не спящий толком город… и внезапно подумать: "Не так уж и плохо у меня всё, да?"

И откуда-то… не сверху, а отовсюду – как мягкая тёплая волна – приходит с Отцовской улыбкой ответ: "Да ладно тебе! Всё будет хорошо!"

Словом, Храм всех святых, в Российской земле просиявших – Храм торжественный. Великодержавный. Этакое официальное благословление

Вертикали Власти.

Только в июльские душные ночи – не ходите рядом!

Ни у берега Исети, ни в так называемом Литературном Квартале – особенно! Ни у памятника Комсомолу Урала. Один не ходите. Особенно далеко за полночь.

Собаки где-то глухо лают. Пахнет акацией и сухим горьким дымом тянет со стороны далёкого вокзала… гудок еле слышный с привизгом каким-то донесётся. Ну не так сейчас тепловозы гудят, не так! Это больше на "овечку" времён начала железного XX века похоже…

Смех детский… и в темноте смутно мелькнёт детская матроска и высветится огонёк папироски…

Да вон же, вон – прямо за пыльной тополиной листвой белеют платья с пышными юбками и доносятся спокойные девичьи голоса!

А то вдруг протарахтит мимо, сворачивая в сторону ВИЗа грузовичок-недомерок, зачихает мотором, оставит после себя едкий, почти серный, вонючий запах… блеснут штыки, торчащие поверх дощатого кузова, гоготнут напряжённо молодые глотки и полетит на дорогу самокрутка, прочертив в воздухе огненную дугу…

А во дворе Первомайской, 1, говорил мне один мужичок-охранник, отсиживающий там сторожем, в прошлом году вообще

жуть приключилась.

Здание это с 19-го века – бывшая Пробирная Палата Екатеринбурга.

Ну, вокруг натыканы домишки чуть помоложе. Замкнутый двор с воротами ещё на моей памяти бурьяном был покрыт. На прогретых дневным солнцем досках дровяного сарая, торчавшего с 30-х годов, котята бездомные грелись, а по ночам за крысами гонялись. До Ипатьевского дома по прямой – три минуты ходьбы.

Так вот… выходит прошлым летом этот мужичок в ночной двор на предмет осмотра и бдения. Часа в три ночи, говорит, выходил. Двор сейчас полностью заасфальтирован, – машинёшки разнообразные стоят, ворота заперты…

Вышел…

А вот нет ни машин, ни асфальта!

В глухой кромешной тьме слабо фосфоресцирует трава… как стрелки на часах… аккуратным прямоугольником светится.

Дома, двор окружающие, глыбами мрака ворочаются, стонут глухо.

Сомкнуться тужатся, задавить…

И стоят на траве столы ровными рядами. Лежат на них люди в белых саванах, ликом светлые и в восковых руках у каждого свечечка теплится.

Колокол откуда-то со стороны ВИЗа, от Ивановской церкви – бом-м-м… глухо так… и звук стелется, затихая, в хрип отдаёт…

Как мужик на ногах устоял – сам не упомнит. Заперся у себя в комнатке и залпом выдул бутылку водки, накануне припасённую. Утром скандал, конечно… попёрли его с работы… а он и рад.

Вот так-то.

Нет, не ходите июльскими ночами в тех местах, не ходите! Уверяю вас – это не интересно

Это – страшно.

Я, вот, честно говоря, к этому не готов.

ПОСТСКРИПТУМ К "ГОРОДСКИМ ЛЕГЕНДАМ"

Приходит мне тут письмецо с горькой укоризной. Что же ты, малоуважаемый Кот, собрал всю чернуху начала 90-х и теперь смакуешь разнообразные неаппетитные детали, пугая честной российский народ кошмариками Екатеринбурга? Уж не стоит ли за этим зловещая тень ЦРУ?

Или Моссада? Или иной злокозненной организации, целью которой является вливание в широкие русские души ядовитого дурмана и прочего подрывного материала?

Где, мол, позитив? Где песни, легенды, сказания, тосты и танцы о том, как хорошо и счастливо живётся уральской столице под мудрым руководством партии и правительства… в смысле – губернатора и мэра? Где, мать-перемать, облагораживающее действие социалистического реализ… тьфу, ты! – позитивного бытописания?

Тут-то, дорогие мои, Кот и напрягся.

Будучи существом мирным и ленивым, но в то же время – весьма памятливым на исторические параллели и опыт собственной жизни, Кот тотчас уловил веяния и течения и торопливо попытался влиться в

Генеральную линию.

А, вот, шиш! То ли у Кота дар такой, собирать вокруг себя рассказчиков ужасных мистик и мистических ужасов, то ли оптимисты и энтузиасты инстинктивно избегают Кота… у которого и морда-то унылая в последнее время… уж и не знаю, что и думать!

Зато, встречаясь на днях с молодым и полным сил следователем Ф., сходу натыкаюсь на очередную таинственную историю. Свежую, так сказать! И, боюсь, являющуюся неким зародышем новой легенды

Екатеринбурга…

А как, собственно, и зарождаются легенды? Так, потихоньку, полегоньку. Там наврали, тут не расслышали и добавили отсебятины, здесь для красного словца отмочили шуточку. Ну, и само собой, напустили жути кромешной, чтобы два раза не ходить и сразу вывалить на доверчивого слушателя весь объём кошмара. Пусть ночью со светильником спит, от каждого шороха вздрагивает и стелет на подушку газетки, чтобы холодный пот наволочку не замочил.

Ну, я вам таких страстей на ночь глядя рассказывать не

собираюсь.

Как говорится, сухие факты и голая истина. Правда, рассказываю со слов молодого и рьяного следователя Ф., а он – мужик литературного склада ума и рассказы свои так мастерски закручивает, что поневоле успокаиваешь себя тем, что, мол, Кириллушка наш, свои байки, поди, чуток приукрасил. По тем самым причинам, кои я выше изложил… хе-хе-хе. И спишь более или менее спокойно.

Итак, случилась эта история в прошлом году аккурат в День Города.

День стоял тёплый и жаркий. Всё, как у приличных людей: толпы народа по Плотинке разгуливают, бурлят выставки цветов, кошек, приусадебных агрономических чудес и прочих радостей уральского климата. Оркестры дудят, заезжие московские гости от "Дома-2" до "Фабрики звёзд" в микрофоны кричат и бёдрами двигают, флаги и шарики на ветру треплются, а вечером салют на полчаса во всё небо. Гуляет столица

Среднего Урала, с гордостью именуя себя "третьей столицей России", ради праздника и не вспоминая о том, что на эту роль в стране претендуют ещё с полдесятка городов.

И вот, в центре города на перекрёстке улиц Пушкина и Малышева, тащится через дорогу старушка. Место многолюдное, но в паре кварталов от проспекта Ленина, по которому толпы разгуливают.

Поэтому в летних кафешках и просто на лавочках сидит городской люд, трескает мороженое, дует пиво, отдыхая от суеты и готовясь снова нырнуть в многотысячные толпы в поисках невинных развлечений.

Старушка же через дорогу ползёт еле-еле. Со стороны Центра, заметьте! Согнута, бедолага, в дугу, – остеопороз – бич пожилых женщин! – и толкает впереди себя тележку с обшарпанным деревянным кузовом. Колёса у тележки от детской коляски. Проржавели эти колёса настолько, что движутся с трудом. Да бабульке это и надо, поскольку коляску она использует, как подпорку.

Шажок сделает – тачку вперёд продвинет сантиметров на двадцать.

Снова шагнёт – снова продвинет. И такими темпами – через перекрёсток. Слава Богу, у водителей, дождавшихся для себя зелёного света, хватает совести не сигналить. Опять же, все действуют по-разному и в полном соответствии с темпераментом: кто пытается объехать бабку, меняя рядность туда-сюда, кто терпеливо ждёт, а потом уже по пологой дуге осторожно огибает… а кто подрезал жёстко

– и газу!

Улица широкая, в несколько рядов. Бабуля её минут десять переходит, не обращая внимания на транспорт.

О, перешла! Спасибо Господу за малые радости!

И двигается бабуля дальше теми же размеренными старческими движениями мимо шестнадцатилетних девчонок, смакующих в тенёчке тополя два пирожных на троих. Вид дряхлой бабушки, конечно, аппетита им не прибавляет, но, как говорил Н.В.Гоголь: "В каждой девушке сидит чёрт, подстрекающий её любопытство!".

Заглядывают красавицы бабке в тележку, – повторюсь, безо всякого злого умысла, – и пирожное начинает из них выскакивать с неимоверной силой.

Лежит в кузове на охапке лежалой соломы трупик младенца. То, что это трупик, а не кукла и не немытый пацанчик, – видно сразу. Не надо и патологоанатомом быть…

Избавлю вас от описания трупика. На кой ляд вам это надо? Небось, сами по жизни насмотрелись. Труп – он и есть труп. А этот, похоже, дня два на жаре лежал…

Итак, набирают девчонки ментов в свои сотики, украшенные фенечками и наклеечками, – точнее, набирает одна из них, с нервами покрепче. Вторая кричит и бежит в истерике, да прямо под колёса несущихся автомобилей! Взвизгивают тормоза, удар, – "Тойота" в зад

"Газели" въезжает, а ей в корму врезается "Дэу-Нексия"… и т.д.

Хорошо, хоть, девушка уцелела. Водители чуть ли не с монтировками выскакивают, матюгами кроют, за руки дурёху хватают, а бедняга рвётся бежать и кричит не своим голосом…

Вторая лицо руками закрыла и отвернулась. И сжалась, бедная в комок, как под обстрелом. Вроде, бежать надо… а ноги не идут.

Словом, прилетает милиция. Как водится, через минут сорок – пробки на дорогах, да и суть дела им взволнованно человек десять в сотовые накричали… чего торопиться, труп не оживёт! В общем, прибыли замотанные правоохранительные органы, а на перекрёстке – толпа. Водители орут, девчонка, чуть под колёса не угодившая, ревёт в три ручья, толпа вокруг старушки бушует, задние напирают на передних, посмотреть рвутся. Какой-то мужичок, изрядно поддавший и вконец расхристанный, в толпе, как угорь вертится, что-то невнятное орёт про заговор Сионских мудрецов. Кто-то бабку трясёт, в уши ей кричит, кто-то надсаживается, что, мол, надо, хоть, трупик прикрыть, дайте что-нибудь из одежды, граждане… ага, дождёшься, как же… сам с

себя рубашку сними и накрой! Кто-то призывает подлую бабушку-убийцу в клочья порвать… а кто и просто издаля смотрит, залезши на фонарный столб, и умудряется при этом пивко потягивать.

Совсем в стороне четыре мужика за упокой безгрешной души уже по пластмассовым стаканчикам водочку наливают… повод!

Вот вам, практически, и вся история. Бабушку в машину, труп и коляску в труповозку, – в кои-то веки труповозка с ментами сразу приехала, – опрос свидетелей, шум-гам. Да ещё и автолюбители в двух шагах от места задержания свои права качают и на представителей страховых компаний наскакивают. Часа три разбирались…

Теперь детали: у бабушки ни паспорта, ни какой другой бумажки. На вопросы не отвечает. Молчит равнодушно и всё тут. Вроде, не глухонемая… впрочем, поди с ней, разбери. На вид бабке – под девяносто, ей-богу! Черты лица (руины, а не черты!) славянские.

Труп ребёнка пяти-шести месяцев. Умер с неделю назад. Черты лица славянские. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Вскрытие не выявляет никаких патологий.

Н-и-к-а-к-и-х.

Абсолютно здоровый, крепенький был малыш. Взял, и просто помер, – спаси и сохрани нас, Господи!

Заявления на пропажу детей по всей России подняли. Бабку в КПЗ засунули. Нет на неё ничего. Более того, непонятно, откуда она взялась! Нет на неё в МВД данных. И заявлений о пропаже старушек, похожих на неё, тоже нет. Участковым по всему городу и окрестностям фотографии бабушки разослали, во всероссийский розыск закинули.

Результат за год – нулевой.

В камере, – соседки рассказали, – один только раз бабушка и заговорила. В грозу. Мол, пробормотала что-то несуразное, а потом твёрдо: "Мне восемьдесят девять лет!". И замолчала. Сокамерницы из любопытства стали вопросы задавать, мол, что и как, и откуда младенец? А бабушка только бормочет и крестится. Что вроде: "Плохо полозу, плохо. Летит-летит огонь, уходи, полоз-батюшка… Нет скверны. Огонь летит! Горы будут молить, чтобы упали на грешников и оградили их от Лика Господня. Душа чистая, Господу радость…"

Минут пять так блажила… и всё.

А к утру – глянь, а бабушка преставилась. Тихо так…

Лежит и улыбается. Глаза синие-синие, в потолок смотрят. Смерть старушку омолодила. Вроде, не больше шестидесяти. Морщины разгладились, спина разогнулась. Так на спине и

лежала, руки на груди скрестив.

И последнее… следователь Ф., дружок мой, немало пинков и затрещин от начальства получил, но так ни черта за год и не раскопал. Что только ни делал: и "по линии тележки", и опрос свидетелей, и отпечатки пальцев… и даже выбил из управления посылку образцов биологических тканей на предмет генетического анализа младенца и бабушки…

Не родственники они были, слышь? Не родственники! Младенчик упитанный и вполне жизнеспособный… был. Проще говоря, богатырь, а не младенец! И глаза зелёные. Вырос бы у нас просто витязь древнерусский, какими их патриотический художник Илья Глазунов рисовал!

…Почему легенда родится, говоришь?

Понимаешь, вот в чём штука самая-то страшная… как бы это сказать, чтобы поделикатнее…

Район практически полностью офисный. Так вот, работники контор, расположенных в близлежащих от перекрёстка домов, все в голос говорят, что частенько эту старушку на перекрёстке в окна видели. За последние, мол, полгода – чуть ли не каждый день. Всё в той же одежде и с той же тележкой. И двигалась она именно так, как в злополучный День города.

Но видели её только на перекрёстке! Чуть выше, откуда она шла, крутые конторы стоят. У дверей каждой фирмы охранники круглые сутки покуривают… и никто эту бабушку и в глаза не видел.

Зато из офисов, окна которых на перекрёсток выходят, нет-нет, да и замечали в тележке фигурку младенца…

Но в суете дня каждый, само собой, считал, что чокнутая старуха куклу куда-то везёт… и несколько раз пошучивали по этому поводу…

Совсем забыл! Между прочим, кварталом впереди, куда и тащилась бабушка, её тоже отродясь не видывали. А вот в описаниях куклы, видящейся в тележке, все показания разъехались… То эта кукла черноволосая, то светленькая, то в подгузнике, то в одеяльце.

Последнее – это, когда ещё совсем зима была.

А кто в этой тележке и девочек-младенцев узрел. В смешных таких платьицах… вроде, как дочки наши на своих пластмассовых любимцев шьют…

И у всех одна мысль была – бр-р-р… младенчик-то, совсем, как живой ребёнок смотрится!.. Как живой, честное слово! Но… вы, товарищ следователь, не поймите превратно… кто же знал-то?!

По сию пору лежат оба трупа, – бабушка и младенец, – в

морге.

Начальник договорился, чтобы хранили пока.

А вдруг?..